Рецензии

Марина А. Симакова
Европейский университет в Санкт-Петербурге, Россия

Альянсы хрупких тел, или Политика уязвимых жизней

Рецензия на книгу: Батлер Дж. (2017) Заметки к перформативной теории собрания. Перевод Д. Кралечкина под ред. А. Кондакова, М.: Ад Маргинем Пресс

doi: 10.22394/2074-0492-2018-1-215-226

«Заметки к перформативной теории собрания» — это перевод последней из опубликованных на сегодня работ Джудит Батлер (в англоязычном мире она увидела свет в 2015 г.). Внимание издателей к актуальному состоянию гендерной теории внушает оптимизм в российских условиях, однако выбор этой книги стоит оговорить особо.

Парадоксальный факт: парадигмальный текст Батлер «Гендерное беспокойство», без которого невозможно представить ни один курс по гендерным исследованиям, до сих пор не имеет полного перевода на русский язык[1]. С того момента, как эта работа заявила о себе (в 1990 г.), продемонстрировав амбициозную попытку пересо-

Симакова Марина Алексеевна — лаборант центра «Теория демократии» Европейского университета в Санкт-Петербурге, член редакционной коллегии Openleft.ru. Научные интересы: критическая теория, социально-политическая философия, исследования культуры. E-mail: m.a.simakova@gmail.com

Marina A. Simakova — research assistant, Center for Democratic Theory, European University at St Petersburg, a member of an editorial board of the Openleft.ru. Research interests: critical theory, social and political philosophy, cultural studies. E-mail: m.a.simakova@gmail.com

1 Перевод первой главы этой работы можно найти в *Антологии гендерной теории* [Батлер, 2000, с. 297-346].

брать понятие гендера на новых основаниях, утекло немало воды. Книга была разобрана на цитаты, а предложенная в ней теория перформативности гендера претерпела критический артобстрел и породила уйму исследований, что лишь подтверждает тот факт, что отсутствие перевода этой работы — однозначное упущение. И все же решение обойти и ее, и последующие за ней тексты Батлер стороной, взявшись за перевод лекций, составивших «Заметки», представляется удачным. Эти лекции[1] можно воспринимать как пояснительный комментарий, самолично сделанный Батлер ко всему корпусу ее текстов. Неслучайно в послесловии Александра Кондакова предлагается рассматривать книгу в качестве «путеводителя по вселенным» мысли Батлер. Она действительно претендует на роль самореферентного постскриптума, который в то же время может послужить обширным авторским введением для тех, кто с англоязычными работами Батлер пока еще знаком слабо.

Такая возможность не означает, что «Заметки» не складываются в самостоятельное исследование, наоборот: давним читателям Батлер здесь есть чему удивиться. На этот раз она выступает в амплуа политического мыслителя, предлагая свой подход к пониманию — и осуществлению — демократии. Вдохновением этому предприятию стали протесты и демонстрации 2011 года, локализованные в городских публичных пространствах. Демократия для Батлер — это возможность массового действия, которое одновременно является источником власти и назидательно указывает на него забывшимся власть предержащим. Этой книгой Батлер заявляет о себе именно как о радикальном демократе, продолжая линию, когда-то обозначенную ее давними собеседниками Эрнесто Лаклау и Шанталь Муфф[2].

Правда, в центре ее рассуждения пульсирует все та же оригинальная теория перформативности, открывающая политический язык уязвимого тела; язык, имеющий все шансы стать основой эгалитарной политики, отличной и от «агонизма» Муфф, и от «популизма» Лаклау. Тем не менее постструктуралистское родство и пересечение их интуиций позволяет не только зафиксировать философские *loci communes*, но и увидеть болевые точки на теле политической мысли социально-демократической ориентации. Каковы же эти точки, и что предлагает Батлер в результате их обнаружения?

---

1 В основу книги положен курс «Телесные альянсы», прочитанный Батлер в Колледже Брин-Мор в 2011 г.

2 Полемику между Батлер и Лаклау можно найти в работе *Contingency, Hegemony, Universality: Contemporary Dialogues on the Left* [Butler, Laclau, Žižek, 2000].

Одной из таких точек оказывается *прекарность*, т. е. телесная, психическая и экономическая уязвимость, характеризующая современную жизнь в условиях миграционных волн и военных вторжений, негарантированного труда и усиления процессов неолиберализации. Прекарность, по Батлер, стоит за феноменом массовых собраний, и именно в ней угадывается способность к коллективному политическому действию. Прекариат при этом понимается вне логики классовой борьбы — вовсе не как «новый опасный класс»; он не имеет идентичности и трактуется расширительно как «рубрика, которая объединяет женщин, квиров, трансгендерных людей, бедняков, людей с альтернативными возможностями, не имеющих гражданства, а также религиозные и расовые меньшинства» [с. 61]. Но прекариат не образует самостоятельного политического субъекта: таким субъектом оказывается само «собрание» *(assembly).*

Политическая задача Батлер, которая, по ее заявлению, может восприниматься и как ее нормативная цель, состоит в том, чтобы предложить прекарным (читай: угнетенным и уязвимым) субъектам, в том числе гендерным и сексуальным меньшинствам[1], вариант эмансипаторных практик, благодаря которым они смогут не просто «ослабить железную хватку норм», но начать жить более «жизнеутверждающей жизнью» (*livable lives*) [с. 36–37]. За этим афористичным обещанием скрывается следующий призыв: установить жизнь там и тогда (в публичном поле, пронизанным нормализующими отношениями власти и угрозой бесприютного, материально неустроенного существования), где и когда остро ощущается ее неполнота. Батлер в очередной раз отвечает на проблему, поставленную Лаканом, вооружившись поздним Фуко.

Речь идет о необходимости пересмотреть лаканианскую онтологическую нехватку в более аффирмативном ключе с помощью своего рода фукианской «заботы о себе». Если человеческие жизни онтологически связаны с телесной уязвимостью, то необходимо указать на вменяемое им основание, а точнее, на отсутствие такового — предъявить коллективному взору прореху, конституирующую телесную субъектность, ту самую «язву», что делает ее уязвимой. Уязвим не только прекариат, уязвимость — общее свойство всех существ[2], однако она распределена в обществе неравномерно.

1 Батлер уточняет, что предметом ее озабоченности являются не только те, чьи тела не соответствуют гендеру, но и те, чьи тела «слишком соответствуют ему (расплачиваясь за это высокой ценой)» [с. 36].

2 Я атрибутирую уязвимость существам, а не людям неслучайно. Для Батлер быть живой означает «быть связанной с тем, что живет не только за пределами меня самой, но и за пределами моей человечности» [с. 46].

Именно прекариат, являющий собой живое подтверждение неравного распределения, может перформативно засвидетельствовать нехватку жизни, превратив свою слабость в силу. С прекарностью Батлер проворачивает тот же фокус, что и с перформативным гендером. Нет никакой первичной и замкнутой структуры, определяющей гендерное различие, такая структура производится задним числом, предъявляя субъекту свое отсутствие, пустое место. Схожий процесс характеризует прекарность: никакой полнокровной жизни нет *вообще* — она всегда уже уязвима, ущербна, и потому речь идет о том, чтобы предъявить эту нехватку полной жизни, сделать ее предметом перформативного действия с тем, чтобы ее изменить.

Теоретическая амбиция Батлер заключается в том, чтобы деконструировать феномен публичности и предложить оригинальный вариант этики ответственности и демократической политики, изъяв и то, и другое из либерального дискурса. Неслучайно центральное место в рассуждении о политике Батлер отводит Ханне Арендт, чью теорию она подвергает критической ревизии. Как и Арендт, Батлер ассоциирует политику с возможностью *появляться*, с публичностью, которая характеризуется наличием фигуры наблюдателя, фиксирующего это появление с помощью органов чувств. В то же время Батлер возражает на разделение, проводимое Арендт между частной сферой, связанной с необходимостью (воспроизводства и поддержания жизни), и публичной сферой как вотчиной политики и свободы. По Батлер, именно необходимость справляться с материальной нуждой, социальной несправедливостью и тревогой объединяет хрупкие жизни в их уязвимости и придает им политический смысл.

В этом Батлер, конечно, присягает марксизму и шире — европейскому революционному наследию. Если для Арендт ужас французской революции заключался в том, что в основу политики была положена борьба с социально-экономическим неравенством (т. е. с неравным распределением благ), то для Батлер именно неравное распределение (уязвимости, или «жизнеутверждающей жизни» как блага) и должно стать веским поводом для политического действия. И жизнь, и тело Батлер понимает принципиально иначе — как объект биополитики и часть символической системы. Если для Арендт тело и все, что с ним связано, противостоит политике, то для Батлер тело как биологическое и дискурсивное выражение жизни есть не конец, а начало политического. И хотя жизнеспособность предшествует жизнедеятельности, жизнедеятельность задает нормативную структуру жизнеспособности. Жить — значит осуществлять способность действовать, причем действовать определенным образом. Тело говорит посредством жестов, движений

и действий, и потому аристотелевское различие между человеком и животным, заданное языком, ключевое для рассуждения Арендт о политике как пространстве публичной речи, Батлер отбрасывает. По этой же причине она отбрасывает рассуждения Агамбена о повсеместном чрезвычайном режиме «голой жизни», восходящие к тому же самому различию между животной (*zoê*) и политической жизнью (*bios*).

Даже самая невыносимая и несносная жизнь никогда не лишена политического смысла. Более того, живое тело не просто пассивно встроено в политико-правовую матрицу, но, вынужденно участвуя в ее активном исполнении, оказывается ее агентом. Осуществлять свое право быть тем, кем являешься, утверждая соответствующую социальную категорию, описывающую этот способ бытия, означает включать в эту категорию свободу, дискурсивно меняя онтологию [с. 63]. Право, представляющее собой не просто систему норм, но «диспозитив власти», в первую очередь есть свободное осуществление права — то, что на юридическом языке как раз и обозначается термином *диспозитивность*.

В то же время способность пользоваться или не пользоваться правом, как это предписывает принцип диспозитивности, предполагает наличие *права иметь право*, гарантированное далеко не всем. Кроме того, применительно к биологической жизни это право постоянно нарушается. Право на жизнь, якобы гарантированное государством и остающееся ключевым этическим доводом в биополитических дебатах (об абортах, эвтаназии и смертной казни), то и дело ставится под сомнение самим государством, осуществляющим военное и полицейское насилие.

Получается, что *право иметь право* на жизнь не обеспечено никаким законом, и задача заключается в том, чтобы это право утвердить. Это означает возможность поставить легитимность государства под вопрос, в том числе и с помощью публичного собрания. Однако Батлер, обнаруживая пределы права, попадается в ловушку: если жизнь изначально уязвима и ее сохранность не может быть ничем гарантирована, то она обречена на то, чтобы пребывать в ситуации чрезвычайного положения, которая «не может быть определена ни как фактическая ситуация, ни как правовая ситуация, но устанавливает между этими двумя парадоксальный порог неразличимости» [Агамбен, 2011, с. 26].

Так право обладания и осуществления самого права на жизнь может стать лишь предметом постоянно возобновляемых попыток (бесплодных, но не лишенных политического содержания) вывести ее из смутной зоны чрезвычайности. Правда, Батлер это устраивает: для нее чрезвычайность оказывается состоянием, в котором все еще теплится жизнь и существует политика, но нет права, в результа-

те чего она может стать поводом для политической мобилизации. В этом смысле жизнь суверенна не потому, что является универсальным правом, а потому, что ее уязвимость представляет собой неиссякаемый ресурс политики. Политическая борьба с господствующим порядком гарантирована самой жизнью как источником *деституирующей* силы.

Суверенность жизни отчасти позволяет Батлер настаивать на концепции народного суверенитета — власти динамического множества биополитических тел как власти народа, который «не до конца известен и познаваем, кем бы он ни был» [с. 163]. И презентацией, и требованием народного суверенитета является собрание, о котором еще не было сказано подробно. Между тем собрание есть не только предмет теоретического интереса Батлер, но и очередная болевая точка радикально-демократической мысли, задающейся вопросом: на каких основаниях сегодня возможно эмансипаторное и эгалитарное массовое политическое движение?

Ответы на этот вопрос можно с разделить на две условные группы в соответствии с двумя магистральными тенденциями: «биополитикой множества» и «гегемонией народа». Если первая представлена «горизонтальными нерепрезентативными сетями автономных множеств», то вторая связана с «борьбой народных блоков, претендующих на то, чтобы представлять всеобщие интересы» [Katsambekis, Kioupkiolis, 2014, p. 5]. По какому из этих путей идет Батлер, оказавшись на территории политической теории?

Собрание понимается ею шире, чем форма политической организации, — как форма жизни (биополитической, но не «голой») и как форма дискурсивного действия, названная «множественной формой перформативности». Собрание предшествует политическим требованиям и не имеет коллективной идентичности, оно все время находится в становлении, заново проигрывая себя самое. Как самостоятельный политический субъект собрание производится публичным движением тел, не обладает никакой имманентной властью и имеет скорее статус проводника: перепроизводит, канализирует, транслирует политическую власть. Только появление в публичном поле в качестве собрания, обнаруживающее коллективную готовность подлежать власти в качестве уязвимых тел, приводит потоки власти в движение. И если тело и язык[1], сексуальность и гендер нам не принадлежат, то есть ли способ сделать коллектив-

1 Точнее было бы сказать «язык тела» и «тело языка»: для Батлер тело имеет дискурсивное измерение, а язык представляет собой корпус «скользящих» означающих.

ную машину означающих союзницей угнетенных, апроприировать часть ее силы?

Этот способ демонстрирует собрание: сообща выйти на улицы, удерживая диалектику жертвенного и милитантного и превращая свою телесную уязвимость в политическую мощь. Такое собрание никого не представляет: оставаясь открытым и инклюзивным, оно и есть народ, тот самый народ, который невозможно представить («вы нас даже не представляете!») [Кондаков, 2013, с. 181]. Батлер полагает, что сегодня необходим особый тип демократического сопротивления: оно должно быть демократическим, множественным, телесным и ненасильственным, а также быть целью и средством, иметь этос и политическую цель. Формой такого сопротивления и является публичное собрание.

Стоит уточнить, что собрание становится политическим, демократическим субъектом не потому, что люди скучиваются в публичном пространстве, которое якобы по умолчанию политично и способно наделять политической силой каждого, кто войдет в сей магический круг. Собрание как совокупность взаимосвязанных телесных действий производит, «заново разворачивает пространство появления» [с. 85], нарушая соотношение приватного и публичного, а иногда полностью смешивая их, что хорошо видно на примере организации палаточных лагерей и прочих зон жизнеобеспечения во время протестов 2011 г. Собрание демократично поверх демократических институтов: оно не реализует, а конституирует свободу собрания, не выдвигает, а воплощает требование равенства.

Будучи народом, собрание, как видно, не образует социально-демократический «народный блок», опирающийся на «коллективную волю», и не нацелено на радикализацию институтов представительной демократии [Mouffe, 2013, p. 127]. Собрание уязвимых тел также нельзя сравнить с народом как специфической формой идентичности, функционирующей в качестве «пустого означающего» [Laclau, 2005, p. 96]. Батлер отличается от адептов «гегемонии народа», оставляя предложения Лаклау и Муфф за скобками, несмотря на общее для всех троих крепкое постструктуралистское ядро. Собрание указывает на возможность «политики альянсов», состоящих из уязвимых тел и переживающих собственную прекарность.

Принципом, на основании которого представители разных социальных групп и убеждений формируют альянсы «поверх границ языковых и культурных сообществ», становится не борьба с общим врагом и не временное популистское требование, а телесная и, значит, биополитическая близость. Такой альянс действует не как нечто целое, а как динамическая система взаимоотношений. Дей-

ствие производится внутри, в зазорах между участниками, и каждый из таких зазоров представляется «пространством социальности и поддержки, где человек конституируется социально, то есть не сводится к собственной точке зрения или только к зависимости от структур, без которых не бывает устойчивой жизнеутверждающей жизни» [с. 85].

Попытка мыслить политику вне системы представительной демократии и гражданских институтов, собирательный характер политического субъекта, фундаментальное значение биополитического измерения современной жизни — все это заставляет вспомнить о второй радикально-демократической, марксистской линии — «биополитике множеств», пионерами которой выступают Майкл Хардт и Антонио Негри. Неудивительно, что их последняя книга называется «Собрание» (*«Assembly»*), в которой за яркой марксисткой риторикой кроется типичная для авторов концепция сопротивления, построенная на отказе от идеи суверенитета и развитии уже существующих «коммунистических» форм организации общественных отношений.

Только если у Хардта и Негри множество как субъект трансформации порядка опирается на *биополитическое производство* (знаний, языка, аффектов), то Батлер интересует само тело как *биополитическое измерение языка,* зараженного властью и конституирующего всякого субъекта. Теорию множественной перформативности Батлер неверно будет причислить к автономистской тенденции множеств, а собрание прекарных тел со свойственной им психофизиологической уязвимостью — к собранию, образованному множеством трудящихся, вовлеченных в интеллектуально-эмоциональное производство.

При этом эксплицитно присутствующая в «Собрании» Хардта и Негри политическая стратегия позволяет обнаружить проблему реализации «политики альянсов», предложенной Батлер. Эта проблема обусловлена тем, что понятие альянса используется ею в качестве самоочевидного, порой синонимичного коалиции или даже стихийному сборищу. Для Хардта и Негри протесты 2011 г. еще не образуют собрания — они есть пример коалиции, которая должна стать альянсом, «претерпеть кардинальное изменение и “собраться” в качестве множества новых субъектностей» [Hardt, Negri, 2017, p. 293].

По Батлер, и выступление на площади, и разрозненные группы наиболее уязвимых тел, и индивидуальный субъект как дискурсивный «ассамбляж» — все они уже обладают признаками собрания как альянса; нужно только осознать его силу, каждый раз утверждая и проигрывая собрание в качестве эмансипаторной и органической формы политической жизни. Это показывает, что в «Заметках» упу-

скается различие между конкретными способами политической организации, каждый из которых обладает своим политическим смыслом. Так Батлер, сохраняя верность микрополитике и «теории практик», едва ли может перейти к «теории практики», определяющей стратегию сопротивления.

Батлер также отличает интерес к этике, обойденной вниманием большинством теоретиков радикальной демократии. Ее оппонентами являются коммунитаристы: если они уповают на «конструирование локальных форм общества, в рамках которого гражданственность, интеллектуальная и моральная жизнь могли бы пережить века мрака» [Макинтайр, 2000, с. 355], то Батлер считает необходимым выработать инклюзивную этику, объединяющую тех, у кого нет никаких причин объединяться. Таковой, по Батлер, может стать «этика ответственности» Левинаса, опровергающая возможность какой бы то ни было взаимности («этика — не сделка») и утверждающая абсолютную открытость и незащищенность перед лицом Другого.

Каждый из нас сочетает в себе ранимость и ответственность: мы уязвимы перед другими потому, что способны держать ответ перед ними, воспринимать и реагировать, и «притязания других являются частью самой нашей чувствительности» [с. 107], навязанными извне, но обусловливающими нашу возможность к действию. Такую этику (или, по Левинасу, «этику этики») невозможно превратить в закон или реализовать как добродетель, она предшествует возникновению субъектности и индивидуальному действию. Индивид для Батлер есть такая же фикция, как и идентичность, ведь субъективирующее нас отношение (не только символическое, но и этическое отношение *par excellence*) означает принципиальную невозможность в полной мере «владеть собой» — для этого в нас слишком много *другого*. Взаимодействие тел, представленное собранием, становится и манифестацией взаимосвязи как некой трансцендентальной совместности, и этическим императивом.

Сама метафорика здесь достаточно иллюстративна: собрание «активирует» исходное взаимодействие с другими, «включает» политику. Власть перформативна, а значит, она не сила (как нам свойственно думать), а скорее энергия. Задача состоит в том, чтобы, обнаружив ее источники, научиться ее распространять. Собрания формируются и распускаются, спонтанно прирастают участниками и также иссякают. Они множественны, кратковременны и динамичны, в этом заключается их критическая функция и политическая энергия.

В одной из своих ранних работ, рассуждая о субъекте, одновременно подлежащем насилию внешнего и реагирующем на него,

Батлер задается вопросом: «И все же, вне повторения[1] с риском для жизни — жизни в ее теперешней организации — как мы могли бы представлять лишь историческую обусловленность этой организации и перформативно реконфигурировать очертания условий [возможности] этой жизни?» [Батлер, 2002, с. 36]. Собрание становится для нее политическим выражением и принятием такого риска, позволяя ответить на свой давний вопрос о работе с властью, структурирующей социальную жизнь и субъектность.

Сексуальность в данном случае представляет собой лишь одну из зон уязвимости, а гендерные перипетии — одну из сторон биополитической жизни. Гендер, который Батлер наделяет перформативностью и биополитическим смыслом, также есть одна из множественных и переменчивых линий угнетения, и в то же время может рассматриваться как своего рода «модель для сборки». Будто бы оправдываясь за нехватку интуиций на тему сексуальности и переход к более широкой политической проблематике и поясняя свой интерес к собранию, Батлер заявляет, что гендерные нормы напрямую связаны с тем, «как и в каком качестве мы можем появляться в публичном пространстве, как и в каком качестве различаются публичное и приватное, наконец, как это различие инструментализируется для целей сексуальной политики» [с. 38].

В этом смещении фокуса стоит видеть не досадное уклонение Батлер от проблем гендерной теории, а заслугу перед последней. В своей книге Батлер демонстрирует, что сексуальность и «гендерное беспокойство» выходят за рамки дисциплин вроде исследований сексуальности, *women's studies* и гендерной социологии. Будучи объектом биополитики и предметом самого широкого политического интереса, они не могут и не должны замыкаться в дисциплинарных гетто. Такое политизированное сообщение вкупе с теоретическими сюжетами, развернутыми в тексте, сможет актуализировать политический смысл гендерной теории, а книга послужит отправным пунктом в путешествии российского читателя по «вселенным Батлер».

1 Под практиками повторения понимаются телесно-дискурсивные практики повторного означивания, в которых выражается и одновременно подрывается (воспроизводится со смещением) господствующий порядок.

Библиография

Агамбен Д. (2011) *Homo Sacer: суверенная власть и голая жизнь,* М.: Европа.

Батлер Дж. (2000) Гендерное беспокойство (гл. 1. Субъекты пола/гендера/желания). Е. Гапова, А. Усманова (сост.). *Антология гендерной теории*, Минск: Пропилеи: 297–346.

Батлер Дж. (2002) *Психика власти: теории субъекции,* Спб.: Алетейя.

Кондаков А. (2013) Новые конфигурации политики после квир-философии Джудит Батлер: протестные движения в России и проблемы их осмысления. *Неприкосновенный запас,* 4 (90): 174–190.

Макинтайр А. (2000) *После добродетели: исследования теории морали,* М.: Академический проект.

Butler J., Laclau E., Žižek S. (2000) *Contingency, Hegemony, Universality: Contemporary Dialogues on the Left*, London: Verso.

Hardt M., Negri A. (2017) *Assembly,* Oxford University Press.

Katsambekis G., Kioupkiolis A. (eds) (2014) *Radical Democracy and Collective Movements Today: The Biopolitics of the Multitude Versus the Hegemony of the People,* Ashgate.

Laclau E. (2005) *On Populist Reason,* London: Verso.

Mouffe Ch. (2013) *Agonistics: Thinking the World Politically,* London: Verso.

References

Agamben G. (2011) *Homo Sacer: suverennaia vlast' i golaia zhizn'. [Homo Sacer: Sovereign Power and Bare Life]*, M.: Evropa.

Butler J. (2000) Gendernoe bespokoistvo (gl. 1. Sub"ekty pola / gendera / zhelaniia). [Gender Trouble (Ch. 1. Subjects of Sex/Gender/Desire)]. E. Gapova, A. Usmanova (comps). *Antologiia gendernoi teorii. [Anthology of Gender Theory],* Minsk: Propilei: 297–346.

Butler J. (2002) *Psikhika vlasti: teorii sub"ektsii. [The Psychic Life of Power: Theories of Subjection],* Spb.: Aleteiia.

Butler J., Laclau E., Žižek S. (2000) *Contingency, Hegemony, Universality: Contemporary Dialogues on the Left*, London: Verso.

Hardt M., Negri A. (2017) *Assembly,* Oxford University Press.

Katsambekis G., Kioupkiolis A. (eds) (2014) *Radical Democracy and Collective Movements Today: The Biopolitics of the Multitude Versus the Hegemony of the People,* Ashgate.

Kondakov A. (2013) Novye konfiguratsii politiki posle kvir-filosofii Judith Butler: protestnye dvizheniia v Rossii i problemy ikh osmysleniia. [New Configurations of Politics after Judith Butler's Queer-Philosophy]. *Neprikosnovenny zapas*, 4 (90): 174–190.

Laclau E. (2005) *On Populist Reason,* London: Verso.

MacIntyre A. (2000) *Posle dobrodeteli: issledovaniia teorii morali. [After Virtue: A Study in Moral Theory]*, M.: Akademicheskii proekt.

Mouffe Ch. (2013) *Agonistics: Thinking the World Politically,* London: Verso.

Рекомендация для цитирования/For citations:

Симакова М.А. (2018) Альянсы хрупких тел, или политика уязвимых жизней. Рецензия на книгу: Батлер Дж. (2017) Заметки к перформативной теории собрания. Перевод Д. Кралечкина под ред. А. Кондакова. М.: Ад Маргинем Пресс. *Социология власти*, 30 (1): 215-226.

Simakova M.A. (2018) Alliances of Fragile Bodies, or Politics of Vulnerable Lifes. Review: Butler J. (2017) Zametki k performativnoi teorii sobraniya (Notes Toward a Performative Theory of Assembly). M.: Ad Marginem Press. *Sociology of Power*, 30 (1): 215-226.

Поступила в редакцию: 24.12.2017; принята в печать: 30.01.2018